

DOI: 10.19181/smtp.2025.7.1.1

EDN: OIKYXK

Научная статья

Research article

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЕДИНИЦА НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

**Черныш
Михаил Федорович¹**

¹ Федеральный научно-исследовательский
социологический центр РАН, Москва, Россия

Для цитирования: Черныш М. Ф. Научно-исследовательский институт как функциональная единица научной деятельности // Управление наукой: теория и практика. 2025. Т. 7, № 1. С. 13–28. DOI 10.19181/smtp.2025.7.1.1. EDN OIKYXK.

Аннотация. В российской науке сложилась система учреждений, имеющая значительные отличия от базирующейся в университетах западной науки. Основным элементом этой системы является научно-исследовательский институт. В советское время создание НИИ, подчинённых Академии наук, считалось оптимальной формой её организации, сосредоточивающей имеющиеся кадровые и материальные ресурсы на выбранных направлениях. Научные исследования велись и в вузах, но основная задача вузовской системы виделась в подготовке кадров для быстро развивающейся советской экономики. В общественном сознании и российской культуре в целом научный институт являлся в советском прошлом и является сейчас ключевым элементом производства научного знания, тем местом, где работают настоящие учёные, связавшие с наукой всю свою биографию. В институциональном порядке, который сложился в постсоветское время, институт реализует ряд важных функций. Первая из них заключена в производстве истинного знания в рамках верифицируемых процедур с применением традиционных для науки методов. Вторая функция заключена в воспроизводстве сообщества учёных, причём не только демографически, но и идейно, как совокупности людей, разделяющих ценности науки. Третья функция института в том, чтобы коммуницировать с обществом, донося до него суть научных достижений. Реформы науки в рамках общей политики разрушения старых институтов не только не привели к улучшениям, а, напротив, нанесли российской науке непоправимый ущерб.

Ключевые слова: научный институт, наука, воспроизводство научных кадров, Академия наук, реформы, образование

RESEARCH INSTITUTE AS A FUNCTIONAL UNIT OF SCIENTIFIC ACTIVITIES

Mikhail F. Chernysh¹

¹ Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS, Moscow, Russia

For citation: Chernysh M. F. Research institute as a functional unit of scientific activities. *Science Management: Theory and Practice*. 2025;7(1):13–28. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2025.7.1.1.

Abstract. The development of Russian science gave birth to a system of organizations that were tangibly different from the institutions of science in the West embedded in universities. The main element of the system is a research institute. In the Soviet times founding the institutes under the auspices of the Academy of concentrating staff and material resources in the chosen directions. Higher education institutions were also engaged in research, but their main task consisted in training professional cadres for the rapidly expanding Soviet economy. The public consciousness and Russian culture as a whole viewed and keeps viewing a research institute as a key element in the production of scientific knowledge and a place that employs real researchers whose whole life is dedicated to science. In the institutional order that emerged in the post-Soviet times the institute fulfills a number of important functions. Firstly, the institute is engaged in the production of authentic scientific knowledge using traditional research methods to verify it through standard procedures. Secondly, the institute is charged with the task of reproducing the community of researchers “demographically” and ideologically as a group of people who share the values of scientific endeavor. Thirdly, the institute plays a decisive role in communication with society as a whole, passing on in abridged form the essence of scientific discovery. The reforms of Russian science as part of the general policy of destroying old Soviet institutions did not bring about any improvements in the Russian science complex. Their effects were opposite to what they were set to achieve inflicting heavy damage on the entire realm of research complex.

Keywords: research institute, science, reproduction of academic staff, Academy of Sciences, reforms, education

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ НАУКИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Не только учёный, но и обыватель на вопрос о том, что такое «институт» и чем он занимается, немедленно ответит, что речь идёт об исследовательском или экспертном учреждении, основной целью которого является производство информации. Такое толкование данного понятие можно принять, но со множеством оговорок. В развитых западных странах научные исследования по сложившейся традиции проводятся прежде всего научными подразделениями крупных университетов. Прорывные научные открытия накрепко связаны с названиями ведущих мировых университетов, среди которых Кембридж и Оксфорд, Стэнфорд и Гарвард, Колумбийский университет и Гёттинген. В университетах сохраняются традиции и школы, функционируют порталы, позволяющие молодым талантливым учёным работать под руководством опытных наставников, перенимая у них не только методы, но и ценности,

направляющие научную деятельность. Длинная тысячелетняя история европейских университетов позволила им довести до совершенства процедуру воспроизводства научных кадров, обогатить этот процесс традициями и ритуалами, напоминая о той особой роли, которую наука играла и играет в современном обществе. В этом смысле университет принадлежит к числу ключевых социальных институтов (здесь, конечно же, тавтология, но неизбежная), о чём говорится подробно во многих трудах, посвящённых западной науке. Рассуждая о превосходстве западного мира над миром незападным, британо-американский историк Нил Фергюсон посчитал науку важнейшим фактором глобального доминирования, обретающим твёрдую почву только в условиях «декартовской» культуры сомнений, в атмосфере плодотворной дискуссии, критики и обмена мнениями [1]. Возникает закономерный вопрос: может ли западный университет иметь альтернативу в иных условиях, в иных обстоятельствах в обществах, где сильные, самостоятельные университеты исторически не возникли? Ведь если признать, что только университеты являются единственным по-настоящему прочным зданием современной науки, то общества и страны, где университеты слабы, могут рассчитывать разве что на роль вечно догоняющих, на второстепенную роль эпигонов того, что делается в крупнейших научных центрах.

У этого вопроса есть и прикладная сторона. Государства, не имевшие до второй половины XX в. развитого образования и науки, должны были выбрать для них оптимальные формы с тем, чтобы именно в них вкладывать инвестиции. Многие развивающиеся государства, к примеру, африканские, пошли традиционным путём, создавая и расширяя университеты, соединяя образование и первичные формы научной деятельности. В какой-то момент политика ускоренного развития университетов стала причиной внутреннего разлада: молодые выпускники считали, что, получив высшее образование, они вместе с ним получали пропуск в ряды местной элиты. В результате в 60-е гг. прошлого столетия, когда доля образованного населения в странах Африки быстро росла, правительства, желая избежать внутренних конфликтов, вынужденно раздували штаты высокооплачиваемых чиновников [2]. Одним из решений этой проблемы стало поощрение эмиграции образованной молодёжи в страны, где специалисты могли получить рабочие места, соответствующие их статусу. Но у этой политики были серьёзные ограничения: уровень квалификации обладателей африканских дипломов был существенно ниже тех требований, которые предъявлялись специалистам в странах Запада. Если оценивать результаты политики расширения университетов и всей системы образования в развивающихся странах, следует констатировать: ни в одной из развивающихся стран не удалось воспроизвести в рамках университетов научного комплекса, отмеченного значимыми достижениями. Исключение составили некоторые страны Азии, которым удалось благодаря политике модернизации и ускоренного развития кратно увеличить финансирование науки и существенно расширить её возможности. Однако, как показала практика, формы научной деятельности в этих странах имели существенные отличия от университетской формы организации науки в западных странах.

В дореволюционной России наука была неотъемлемой частью европейской науки и культивировалась прежде всего в университетах. Однако после революции старая система подверглась серьёзным реформам. Новая власть была заинтересована в скорейшей модернизации страны, а потому поставила целью максимальную концентрацию всех имеющихся ресурсов – материальных и интеллектуальных – на подготовке квалифицированных кадров и создании научного ресурса, способного обеспечить потребности оборонного комплекса. Спорным, но отвечающим духу времени решением было разведение образовательного и научного комплексов. Это разведение не было полным: университеты продолжали готовить кадры для науки, а учёные – преподавать в университетах и писать учебники. Но даже неполное разделение функций – учебной и научной – открывало возможность для концентрации усилий с максимальной отдачей по каждому из направлений. Отвечать за образование должны были университеты и учебные институты, а за науку и её развитие – Академии наук.

К недостаткам новой системы можно отнести уже упомянутый дефицит присутствия ведущих учёных в профильных учебных заведениях, а также учреждение тотального надзора государства над научной деятельностью. Огосударствление – это амбивалентный процесс, имеющий как положительные, так и отрицательные стороны. Адептам академической свободы необходимо помнить о том, что только благодаря государствам и их экономическим ресурсам стали возможны крупные прорывные проекты, такие как Манхэттенский в США, проект создания атомного оружия и космический проект в СССР. Однако активное вмешательство государства в научную деятельность имело и имеет свою оборотную сторону. В разные годы в СССР гонениям подвергались целые отрасли науки, в частности, генетика, кибернетика и социология. Люди, не имевшие прямого отношения к этим дисциплинам, принимали решение о том, насколько каждая из них враждебна по отношению к советской идеологии и строю. И хотя впоследствии выяснялось, что эти науки перспективны и за ними будущее, серьёзный урон им всё же был нанесён. Этот урон выражался прежде всего в потере ценных кадров, игравших ведущую роль в развитии названных научных направлений. В каких-то случаях учёных отправляли в лагеря или тюрьмы, в других, как это было с социологией, налагали внешние ограничения на научные изыскания. И это притом, что формально Академия наук обладала независимостью, наука признавалась важным государственным делом, а ведущие учёные имели немалое влияние в сфере принятия решений, касающихся государства и его политики.

Одним из следствий огосударствления стал более высокий уровень профессионализации науки и её институализации, наука превращалась в занятие, заполнявшее всё рабочее время специалиста без отвлечений на преподавание или иную деятельность. Новый уровень институализации науки имел подтверждение в высоком государственном статусе учёного и достойном уровне оплаты научного труда. Американский учёный Алекс Инкелес, изучавший социальную структуру советского государства, пришёл к выводу, что в СССР учёные располагаются на третьей или четвёртой ступеньке десятиранговой социальной лестницы [3]. Ведущие учёные входили в элиту советского государства, имели такой уровень оплаты труда и доступ к социальным и материальным

благам, на который не могли рассчитывать не только рабочие или крестьяне, но и специалисты, работавшие вне науки.

Как любой социальный метаинститут, советская наука имела в основе сложившуюся систему ролевых взаимодействий. Ключевую роль в них играла Академия наук и подчинённые ей научные институты. Были, разумеется, и другие научные институты, не обязательно академические. Научно-исследовательские, проектные институты создавались при крупных ведомствах и должны были решать те специфические задачи, которые эти ведомства перед ними ставили. Именно институт стал главной единицей научной деятельности в СССР, а затем и в постсоветской России, принявшей советское наследие практически в неизменном виде. Для того, чтобы понять, какую роль научные институты играют в российской науке, необходимо сфокусировать внимание на трёх аспектах их деятельности – культурном, структурном и функциональном.

КУЛЬТУРА НАУКИ И НАУЧНАЯ КУЛЬТУРА

Как уже говорилось выше, в советской идеологии наука рассматривалась как локомотив экономического и социального развития. Оставим в стороне вопрос о том, в каком случае признание роли науки в современном обществе носило декларативный характер, а в каких оно подразумевалось государственной политикой и решениями практического плана. В СССР идеология зачастую имела свойство быть директивой прямого действия, а это, как уже говорилось выше, могло иметь как положительную, так и отрицательную стороны. Сциентистская природа советской идеологии воплощалась в конкретных формах, например, в школьном образовании. Оно после нескольких лет экспериментирования в первые годы советской власти вернулось к меритократическим принципам и иерархическому устройству. Акцент делался на фундаментальных дисциплинах – математике, физике, химии, биологии. Считалось, что учащийся, освоивший эти дисциплины, сможет впоследствии, в рамках вузовской программы дополнять их специальными знаниями, а в том случае, если он займётся наукой, расширять полученные знания до уровня, которые требует его дисциплина. Как и следовало ожидать, меритократический принцип делил учащихся по уровню, снижая значимость позитивной дискриминации по отношению к выходцам из рабочих и крестьян. В учебных классах возникали «пирамиды» успеваемости, в верхней части которых находились «отличники», которые с высокой степенью вероятности получали аттестат о среднем образовании и поступали в вузы. В нижней части находились «отстающие», как правило, выходцы из рабоче-крестьянской среды, которые после восьмого класса поступали в школы ФЗО или позже ПТУ для того, чтобы приобрести рабочую специальность. Систему отличало неравенство, но она была по-своему логична, тем более что выпускникам профессионально-технических училищ путь в вузы не был заказан. Существовали втузы при заводах, где рабочие могли повысить свой уровень квалификации, получить диплом о высшем образовании и, благодаря этому, занять позицию мастера или инженера. И всё же прямой путь в науку лежал через школьные успехи, «пятерки» по большинству учебных предметов и поступление в вуз. Школьные учителя не скрывали, что гордятся

прежде всего теми выпускниками, которые смогли поступить в престижный вуз и заняться наукой.

Научные институты существенно отличались от других советских организаций. Учёные имели более высокую степень автономии и более высокую степень участия в принятии решений в тех пределах, где это было допустимо. Академическая культура сохранялась в той части, где предполагалась научная полемика, обсуждение планов проведения исследований и научных результатов. Учёные демонстрировали высокий уровень самоорганизации, причём не только на рабочих местах, но и в свободное время. Среди них было немало тех, кто собственным примером пропагандировал креативное, свободное отношение к досугу: альпинисты и туристы, барды, создававшие клубы самодеятельной песни, инициативники, организующие дискуссионные клубы, часто были выходцами из научной среды. Петр Вайль и Александр Генис, изучавшие культуру 1960-х гг., не могли пройти мимо феномена учёного в советском обществе: «В глазах общества учёные обладали решающим достоинством – честностью. Она же – искренность, порядочность, правдолюбие. Эпоха делала все эти слова синонимами и вкладывала в них мировоззренческий смысл. Дважды два обязано равняться четырём вне зависимости от принципов того, кто считает. После произвольного советского прошлого страна остро нуждалась в безотнositельном настоящем. Таблица умножения обладала качествами абсолютной истины. Точные знания казались эквивалентом нравственной правды. Между честностью и математикой ставился знак равенства. После того как выяснилось, что слова лгут, больше доверия вызывали формулы. Учёные жили рядом, учёные были простыми советскими людьми. И всё же – другими. Не зря на газетном жаргоне эпохи они назывались жрецами науки. Общество, постепенно освобождающееся от веры в непогрешимость партии и правительства, лихорадочно искало нового культа. Наука подходила по всем статьям. Она сочетала в себе объективность истины с непонятностью её выражения. Только посвящённые в таинства могут служить науке в её храмах. Например, в синхрофазотронах» [4, с. 100]. И, добавим, в научно-исследовательских институтах.

К 60-м гг. прошлого столетия советские учёные вышли из образа чудакoватого профессора, занимающегося досужим делом, интересным только ему одному. В научной среде появилась новая модель советского человека, не мускулистого, обветренного рабочего, а интеллектуала, умного, начитанного, ироничного. Именно таким он предстал в советских кинофильмах, ему посвящённых: Иннокентий Смоктуновский и Алексей Баталов в «Девять дней одного года», Александр Белявский, Василий Лановой и Ростислав Плятт в экранизации романа Даниила Гранина «Иду на грозу» и др. Учёные были представлены не только как специалисты, обладавшие уникальной, высочайшей квалификацией, но и как люди героической судьбы, делающие дело, от которого зависит будущее социалистического Отечества. Компания учёных в фильме Владимира Меньшова «Москва слезам не верит» должна была оттенять человеческие качества главного героя слесаря Гоши. Уважение, которым он пользовался в коллективе научного института, верифицировала его как человека, наделённого лучшими человеческими качествами – порядочностью, трудолюбием, пытливостью, эрудицией.

Институт вошёл в советскую культуру как символ науки и прогресса. Именно в институтах, а не в университетах работали ведущие учёные, делались открытия, велись споры по самым важным вопросам мироздания. В советское время никто не задумывался, что подобная организация научной деятельности может иметь существенные недостатки и должна быть реформирована. Между тем, такое решение постепенно готовилось, планы радикального реформирования российской науки в отдельных фрагментах выносились в публичное поле, где учёных рисовали не героями, а карикатурными иждивенцами, распивающими чай на государственные деньги. Поворотным пунктом в освещение труда учёных стал фильм Эльдара Рязанова «Гараж». В нём учёные изображались не как страстные искатели истины, а как мелочные обыватели, помышляющие только о земных благах и готовые ради этих благ совершать подлости против коллег. Зрителям внушалась мысль о том, что большая наука в той форме, в которой она представлена в институтах, обществу не нужна. О том, что необходимо обществу, не говорилось, но и без того было понятно: старые формы научной деятельности должны были отмереть, уступив место передовому мировому опыту.

Основные акценты критики и, соответственно, пункты грядущей реформы могут быть расположены в следующем порядке по степени важности. Во-первых, полагали критики существующей системы, необходимо ликвидировать Академию наук, оставив за ней одну функцию – отмечать заслуги маститых учёных, не имеющих административного влияния на работу научных институтов. Во-вторых, считали они, необходимо ликвидировать научные институты или перевести их в ведомство крупных университетов, где они, разумеется, уменьшатся в размерах и перестанут играть сколь-нибудь существенную роль в производстве научного знания. В-третьих, государственное финансирование науки должно быть сокращено, наука должна искать сторонние источники финансирования в бизнес-среде. В-четвёртых, российскую науку, вернее то, что от неё останется, необходимо по возможности интегрировать в зарубежные научные проекты. И если российские учёные сочтут возможным и необходимым эмигрировать за рубеж, то такое решение должно поощряться потому, что в результате, в конечном итоге выиграют все – и учёные, получившие признание и высокий доход, и зарубежные государства, укрепляющие свои научные комплексы, и российская наука, которая в какой-то неопределённый момент в будущем получит назад кадры, людей, работающих на самом высоком, мировом уровне. Трудно сказать, чего было больше в этом проекте – мстительного, злого умысла или досадной наивности. Надо признать, что этот проект получил поддержку не только в среде администраторов, но и в научном сообществе, особенно в той его прослойке, которая находилась в среднем звене научного администрирования. В грядущих реформах эта прослойка видела для себя новые возможности социальной мобильности. Реформирование науки поддержали и некоторые учёные, выехавшие за рубеж на постоянное место жительства. Они, как и свойственно эмигрантам, яростно отстаивали преимущества той системы, частью которой они стали, отказывая в достоинствах той системе, которая их взрастила.

ФУНКЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА

Согласно современным социологическим представлениям, социальный институт – это одна из форм социальной жизни, выполняющая ряд общественно значимых явных и латентных функций. Основной такой функцией является привнесение и поддержание порядка в какой-либо сфере социальной жизни. Наука относится к числу метаинститутов, т. е. опорных, сложных по конструкции социальных институтов, системно организующих работу подчинённых ей социальных образований. Какие из этих образований относятся к области науки? О некоторых из них уже говорилось выше. Это – университеты, научно-исследовательские институты, крупные проекты, имеющие в основании собственные правила жизнедеятельности, например, проекты мегасайнс. Важнейшей из тех задач, которые призвана решать наука, является производство истинного знания. Прилагательное «истинный» имеет значение потому, что производством знания в разных его формах занимается не только наука, но и другие социальные институты. К примеру, средства массовой информации с полным основанием можно считать машиной для производства информации, но, как правило, это формирующая картину текущих событий, быстро устаревающая информация. Наука производит не информацию, т. е. не описание событий, а знание, которое имеет общий фундаментальный и прикладной характер. Процесс производства знания не произволен, он подчинён определённым нормам, о роли которых немало сказано в работе Томаса Куна, посвящённой научным революциям [5]. Философ сознательно дистанцировался от рассуждений об истинности или ложности знания, о критериях истины, выводя на первый план социальный, институциональный аспект. Наука – это не то, что может быть понятно механистически, это – сообщество учёных, имеющих высокий уровень квалификации, но, кроме того, разделяющих ценности той среды, в которой протекает их трудовая биография. Одной из ключевых задач и проблем социального института является воспроизводство. Речь идёт, во-первых, о воспроизводстве физическом или, иначе говоря, демографическом. Учёных надо готовить, делая это так, чтобы следующее поколение по меньшей мере не уступало предыдущему в количественном и качественном отношении. Воспроизводство регулируется нормативными порядками, которые имеют конкретные организационные границы. Иными словами, научные кадры невозможно готовить вне научных или образовательных учреждений, где собраны учёные соответствующей квалификации. Если уровень коллектива ниже необходимого, востребуемого наукой, то и кадры, которые готовит организация, будут иметь квалификацию ниже той, что необходима для работы в научных исследованиях. Один из видных математиков, долго сопротивлявшийся предложениям эмигрировать, в конце концов согласился. Его аргументы относятся не столько к содержательным вопросам, сколько к социальной подоплёке того, что происходило: «Уезжаю потому, что опустели коридоры института. Не с кем стало говорить» (речь идёт о Математическом институте имени В. А. Стеклова). Зависимость воспроизводства от качества научных кадров иллюстрируется, в частности, различиями в уровне диссертационных советов, работающих в вузах или научно-исследовательских институтах. Так исторически сложилось, что вузовские советы работают в основном на воспроизводство вузовского же

контингента, на подготовку преподавателей. Что касается диссертационных советов в научно-исследовательских организациях, то они по понятным причинам делают акцент на подготовку научной смены. Если таковой не будет, то наука отомрёт естественным путём, без вмешательства иностранных держав или лиц, желающих причинить максимальный вред Отечеству. Именно поэтому реформа научной аспирантуры, выводящая её из области подготовки научных кадров в область образования, причём не имеющая конкретной задачи, оказалась для российской науки столь разрушительной. Процесс воспроизводства учёных, по сути, остановился, выпускники получали вместо кандидатского диплома сомнительный с институциональной точки зрения документ, подтверждавший прохождение обучения, но не высокую научную квалификацию. Несмотря на то, что российские власти сдали назад и вернули аспирантуре функцию подготовки научных кадров и требования к защитам, последствия разрушительной реформы ещё долго будут сказываться на состоянии российской науки, добавляя с каждым годом скорости к и без того быстрой деградации научного сообщества.

Почему же крайне затруднительно, если вообще возможно перенести подготовку учёных в вузы? Рассуждая в терминах вероятности всего сущего, надо признать, что это возможно, но только если для этого будут созданы необходимые условия – многократное увеличение финансирования системы образования, переориентация некоторых образовательных учреждений на подготовку кадров для науки, создание в образовательных учреждениях развитой научной инфраструктуры, обеспечение для вузовской учёной доступности средств для проведения масштабных исследований. И самое главное. Необходимо разрушить существующую в вузах потогонную систему обучения, когда у молодых учёных нагрузка превышает 600, а то и 700 часов в семестр. Реализовать последнее требование представляется крайне маловероятным, если учесть, что дефицит квалифицированных кадров растёт не только в науке, но и в высших учебных заведениях. И в этой сфере с отчётливостью и чем дальше, тем больше ощущается нехватка молодых преподавателей, готовых посвятить себя не только работе в вузах, но и научной деятельности. В настоящее время перегруженные молодые преподаватели участвуют в научной деятельности «для галочки», для получения бонусов и прочих преимуществ, обусловленных формальными показателями. Но это далеко не то же самое, что работать в науке, производить уже упоминавшееся истинное знание. И в этом, в том числе, причина того, что численность научных кадров в стране сокращается, а всякие цифры, доказывающие обратное, производятся посредством несложных манипуляций с критериями, в которых поднаторела российская министерская бюрократия. Хотелось бы спросить российских чиновников, пробовали ли они в качестве эксперимента заниматься напряжённой научной деятельностью после двух или даже трёх полуторачасовых лекций или семинаров? С учётом сказанного прекрасноразумные рассуждения о том, что надо переводить науку в вузы и сделать всё, как в США, выглядят как очередная революционная утопия, обречённая на неудачу, но способная при этом принести огромный вред просто потому, что разрушать легко, а строить по-настоящему эффективные институты мы пока не научились, и пройдут долгие годы прежде, чем наощупь удастся создать в этой области что-то действительно значимое, основательное.

Вторая функция научно-исследовательского института может быть определена как воспроизводство сообществом ценностей и норм научной деятельности. Ценности воспроизводятся только в том случае, если их носители формируют сообщество, а в дальнейшем трансформируют это объединение в организацию или её подобие. Убедительный пример той схемы, в которой происходит, представил Артур Стинчкомб [6, р. 196–220]. Возьмём шахматный клуб, который возник по инициативе нескольких заинтересованных индивидов. Представим себе, что их энтузиазм был замечен другими людьми, также любящими играть в шахматы. Клуб начинает расти и по мере роста в нём происходит ролевая дифференциация. Те, кто создавал клуб, обретают статус почётных членов, старейшин, которым необходимо отдавать дань уважения. Но клуб имеет конкретную функцию – создавать условия для игры, организовывать турниры. Эти турниры выявляют самых сильных и талантливых игроков, и они тоже получают особый, предусмотренный уставом клуба статус. Как любая организация, клуб должен иметь управляющего, лиц, решающих прикладные вопросы организации, и тех, кто занимается финансами. И это тоже особые роли, которые обеспечивают работу клуба, умножение его ресурсов, приток новых членов. А теперь представим себе, что клуб мутирует в коммерческую организацию, торгующую, к примеру, спортивными товарами. В этой ситуации неизбежен явный или скрытый ролевой конфликт. Коммерческая деятельность для части функционеров клуба становится самодовлеющей, а шахматы – побочной, менее значимой. Закономерности существования полифункциональных организаций таковы, что исполняемые ими функции выстраиваются в иерархию значимости, при этом на первый план выходят функции, которые а) исторически определены как основные, б) поощряются политикой вышестоящего начальства и в) имеют достаточное кадровое и финансовое обеспечение, необходимое для успешной реализации. Возможны ли гибридные организационные формы, ориентированные не на одну функцию, а на несколько? Опыт западных университетов говорит о том, что возможны, но в том случае, если организация находится в особой категории, имеет уровень финансирования и статус, позволяющий существовать сложной, дифференцированной структуре, в которой кластеры ролей локализованы в одном из подразделений. К этой категории относятся, например, Массачусетский технологический институт, Стэнфордский университет, уже упомянутые Оксфорд и Кембридж, а в России – МГТУ имени Н. Э. Баумана или НИЯУ МИФИ. Как правило, существование сложной структуры подразумевает иной, чем для всех остальных организаций, правовой режим и нормативный порядок. В обычной организации умножение функций приводит к тому, что каждая из них реализуется на более низком уровне, чем в организациях с особым статусом. Эта закономерность известна всем покупателям аудиодевайсов – магнитола выполнит каждую из полагающихся ей функций хуже, чем отдельно магнитофон, приёмник или диктофон.

Третью функцию можно определить как внешнюю коммуникацию. Наука давно перестала быть делом, изолированным от большого общества, обсуждаемым только в узком кругу посвящённых. В эпоху модерна и постмодерна общество «сциентифицируется», проникается наукой как неотъемлемым элементом социальной и экономической жизни. В массовом сознании формируются

мемы, которые отражают то, как наука воспринимается доксой, как результаты научных исследователей интерпретируются людьми, находящимися за её внешней границей. Как правило, усреднённый наблюдатель, находящийся за её пределами, судит о ней по результатам. И они выглядят с этой внешней стороны по меньшей мере противоречивыми. Одни учёные говорят о том, что происходит глобальное потепление и человечество ждёт катастрофа, другие – что так называемое глобальное потепление – это всего лишь короткий зигзаг на диаграмме климатических изменений в масштабе столетий или тысячелетий. Научные наблюдения неожиданным образом накладываются на устойчивые психокомплексы массового сознания. Ведь сказано в мудрых книгах, что человечество обречено, если только не оставит порочные пути и не обновится в этическом, моральном смысле, вот оно и происходит – час расплаты за причинённое людям и природе зло недалёк. И если речь идёт не о спекуляциях мистиков, а о научном результате, то от него невозможно отмахнуться, невозможно увидеть в нём очередной предрассудок. Научные результаты – это не только повод для апокалиптических спекуляций, но и платформы, на которых воздвигаются хилиастические конструкции. Кажется, что совсем скоро учёные разгадают самые сложные загадки, которые ставит перед ними природа, создадут условия, при которых станут возможными чудесные технологии в области энергетики, перемещение в пространстве и исцеление болезней. Большой адронный коллайдер – это, с одной стороны, способ проникновения в сокровенные тайны природы, а с другой – угроза непреднамеренных и непредсказуемых последствий, ведущих человечество к гибели.

Развиваясь как социальный институт, наука научалась коммуницировать с обществом, редуцировать сложность получаемых результатов к возможной общественной пользе или обращаться к общественным страхам и фобиям. В национальных контекстах сформированы разные агенты, доносящие до общества результаты научной деятельности. В западных странах агентами коммуникации между наукой и обществом становятся выдающиеся учёные, индивиды, обладающие именем и пользующиеся доверием средств массовой информации. Однако в большинстве случаев имя учёного – это лишь понятный, персонифицированный фасад, необходимый для того, чтобы агрегировать то, что сделано крупными институциями – университетами, лабораториями, научными институтами. Не умаляя вклад в науку конкретного учёного, надо понимать, что в текущей ситуации он – лишь внешний коммуникатор, за которым стоит машина производства научных истин, финансируемая государством или частными компаниями. Как правило, это легко распознать, наблюдая то, как представляет себя учёный. Не просто независимый исследователь, а сотрудник университета или института, представитель лаборатории, где ставился эксперимент и получены соответствующие результаты. Бруно Латур, изучавший каналы коммуникации науки и общества, пришёл к выводу, что агентом коммуникации является даже не столько конкретный учёный, а лаборатория: «Эксперимент в Пуийи ле Фор – самое знаменитое из открыто инсценированных Пастером доказательств за всю его карьеру. Представители основных средств массовой информации того времени были приглашены на три следующих друг за другом показа, чтобы убедиться в том, что рассматривалось как предсказание Пастера. “Инсценировка” здесь наиболее подходящее

слово, поскольку в действительности имеет место общественный показ того, что было много раз отрепетировано в лаборатории. Строго говоря, это повторение, но на этот раз в присутствии приглашённой публики, которая вложила так много интереса и теперь ожидает награды» [7, с. 11]. Так сложилось, что агентом коммуникации между наукой и обществом в России был и является в настоящее время учёный, представляющий научно-исследовательский институт, и лучше, если этот институт принадлежит к системе Российской академии наук. Уровень доверия Академии наук и результатам, которые получают курируемые этой организацией институты, выше, к примеру, чем доверие другим организациям. В российском массовом сознании научный результат может иметь позитивные последствия для общества только в том случае, если он сертифицирован, подтверждён и апробирован Академией наук, которая всей своей историей доказала, что опирается на стандартные процедуры верификации получаемых результатов с одной стороны и делает всё возможное, чтобы эти результаты послужили обществу с другой. В российской культуре научно-исследовательский институт – это образец, который прочно отождествляется с понятиями «наука», «всеобщее благо», «прогресс». Как любой образец, он является социальным конструктом, но было бы ошибочно считать, что конструкт и процесс конструирования протекает только в текущем моменте как продукция одной или нескольких заинтересованных элитных групп. Социальное конструирование развёрнуто во времени, в истории, где социальные реалии формируются по мере того, как в эволюционирующем обществе заявляют о себе новые функции. Глубина залегания конструктов тем больше, чем чаще они отождествляются с достижениями, успехами, победами. Российская наука имеет право гордиться многими достижениями, которые сделали бы честь любой культуре: российские и советские учёные создали мощный задел в тех направлениях, которые прочно отождествляются с прогрессом и надеждами на преодоление существующих проблем. В ходе реформ делалась попытка «приземлить» науку, сводя её только к прикладной, обслуживающей функции. Точно такой «лоботомической» операции реформаторы подвергали и образование, вписав его в сферу услуг. «Уловка-22» здесь такова, что занятые оказанием услуг не могут претендовать на производство смыслов поверх существующей в обществе структуры интересов. Аналогичным образом образование, пониженное в статусе, не может быть носителем ценностей за рамкой индивидуальной самореализации. Ни наука, ни образование в обществе, где смыслы определены только как индивидуальные, не способны к агентности, имеющей в основе ценности высшего порядка.

ФУНКЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА

Исследователь Джонатан Тёрнер ввёл в оборот понятие «институциональный порядок». Институциональный порядок – это следствие координации в работе социальных институтов, их взаимная «притирка» с тем, чтобы они не вступали друг с другом в конфликт, подрывая устойчивость социальной системы [8]. Социальный порядок подразумевает, во-первых, согласование ценностных позиций, а, во-вторых, непротиворечивость ролевых структур внутри каждого

института и в системе в целом. Если в первобытных племенах институциональный порядок, однажды возникнув, становился гарантом устойчивости социальной жизни на многие годы, то в сложных обществах институциональный порядок подвергается постоянной ревизии как по первому, так и по второму из названных выше пунктов. Ценностные комплексы в разных институтах разные, зачастую противоречащие друг другу, и необходимы усилия агентов порядка, которыми, как правило, являются элиты, для того чтобы удержать систему в состоянии равновесия. Подвержены изменениям и структурные ролевые распределения, причём агентами изменений являются, по выражению Дугласа Норта, институциональные предприниматели разного ранга [9]. В роли институциональных предпринимателей выступают самые разные агенты. Таковым, к примеру, может стать водитель, систематически нарушающий правила дорожного движения, провоцирующий на дороге опасные ситуации. Его действия и действия подобных ему накапливают напряжение, которое в конце концов выливается в закон или подзаконный акт, ужесточающий процесс регулирования движения. Однако наиболее влиятельными из институциональных предпринимателей являются клики (социологический термин, означающий замкнутую, сплочённую группу) внутри политической или экономической элит, стремящиеся к умножению своего влияния и контролю над процессом принятия решений. Как красноречиво показала новейшая российская история, преобразовательные планы отдельных клик могут иметь тяжёлые последствия для социальных институтов и институционального порядка в целом. Радикальные изменения, которые осуществлялись революционерами, будь то в 1917 или 1991 гг., приводили к разрушению сложившихся институциональных порядков, гигантским человеческим, экономическим и социальным потерям. И всё же даже в этих критических ситуациях сложившиеся структуры функциональных отношений сохранялись.

Реформы российской науки, ставшие частью радикальных преобразований начала 90-х гг. и далее, привели не только к сокращению финансирования науки и образования, но и к ликвидации сложившихся форм управления научной деятельностью. В результате крайне неудачной реформы Академии наук 2013 г., имевшей целью её ликвидацию, ролевая структура управления в чём-то изменилась, но во многих отношениях сохранилась. Академия более не руководит институтами напрямую, но институт как элемент структуры управления сохранился. И это не случайно: в отсутствие научно-исследовательского института как исполнителя научных проектов администрирование науки внешним регулятором утрачивало бы всякий смысл, а сама возможность научной деятельности оказывалась бы под вопросом. Более того, по мере того, как последствия управления наукой бюрократическими структурами становились всё очевиднее, причём не только учёным, но и руководителям, принимающим политические решения, наметилась тенденция восстановления, хотя бы частичного, статуса Академии наук как «квалифицированного администратора» в отличие от «неквалифицированных администраторов», которыми были назначаемые сверху чиновники, ни дня не работавшие в науке и не понимающие её специфики. Анализируя работу метаинститутов, будь то государство или наука, важно принимать во внимание момент их латентной устойчивости, противодействующей полному распаду и воцарению хаоса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ВОЗМОЖНЫ ЛИ «МИЧУРИНСКИЕ» ЭКСПЕРИМЕНТЫ В РЕФОРМИРОВАНИИ ИНСТИТУТОВ?

Вопрос, который следовало бы обсудить: а возможно ли в принципе копирование удачных институциональных форм? Современные исследования не дают окончательного, однозначного ответа на этот вопрос. «Романтики», такие как Дарон Аджемоглу и Джеймс Робинсон [10], а также Фрэнсис Фукуяма [11] полагают, что это возможно при условии, что копируется не точная форма, а один из вариантов, получивший распространение в наиболее успешных странах. Фукуяма, рассуждая об успешных и неуспешных государствах, выделяет необходимость институциональной формы, которая обеспечивала бы подотчётность власти и её прозрачность. В разных странах для реализации этих целей могут находиться разные механизмы, иногда несхожие, но существует условие *sine qua non* – разделение властей. Иными словами, есть метаформа, обеспечивающая развитие, а есть её конкретное воплощение, варианты которого разнятся в широких пределах. С этой позицией вряд ли согласился бы Уолтон Гамильтон, считавшей, что дееспособные институты могут вырастать только на национальной почве, а попытки «присаживать» чуждые формы приводят к тому, что при сохранении внешнего контура института его содержание радикально мутирует под влиянием национальной культуры [12]. В том же духе рассуждал и финский социолог Маркку Кивинен, предложивший социологическую трактовку ранней советской истории [13]. Институциональные реформы, имеющие в основе умозрительные модели, неизменно приводят к появлению химерических образований, похожих по форме на исходную схему, но по сути отличающихся от неё радикальным образом. Наилучшим образом копируемые институты приживаются на девственной почве там, где «местная почва» не проросла благородными растениями или «сорняками», укоренёнными в культуре, в системе базовых ценностей и установок. Там, где уже существует развитый институт, копирование предполагает целый ряд непреднамеренных последствий – снос уже существующих конструкций, высокий уровень сопротивления со стороны старых кадров, медленное восстановление, в ходе которого латентные образцы возвращают себе полностью или частично утраченное на короткий период влияние. Постсоветские реформы изобилуют яркими иллюстрациями этого паттерна: рыночные преобразования в той форме, в которой они были проведены, привели к утрате ценного, копившегося годами опыта, передовых технологий, кадрового потенциала, необходимого для последующего возрождения. Эксперименты по институциональной гибридизации дорого обошлись России, подтвердив то, что и так известно и адекватно сформулировано Карлом Поппером, – историцизм, выраженный в «кукуризации» политики, чреват огромными потерями, наилучшие результаты даёт эволюционный, «инженерный» способ усовершенствования института, сохраняющий лучшее, снимающий противоречия. Речь не идёт о реабилитации гегелевского принципа «всё действительное разумно, всё разумное действительно», а лишь об осторожном отношении к уже существующему, о необходимости чётко просчитывать последствия реформ, причём не только очевидные, но и непреднамеренные. Велика вероятность того, что научно-исследовательский институт и далее останется важнейшим элементом российского научного комплекса, что созданные

в институтах образцы научной деятельности продолжают воспроизводить себя, пока существует российская наука. Однако признание высокой вероятности этого не означает, что реформы – постепенные, выверенные – невозможны. Возможны и даже необходимы реформы управления научными институтами, разведение критериев индивидуальной и коллективной эффективности научных учреждений, установление принципов отношения между институтами и внешним регулятором научной деятельности. Возможно, что в будущем возникнут условия, при которых станет вероятным создание не на бумаге, а в реальности межинститутских научных коллективов, ставящих целью разработку научных тем в междисциплинарной перспективе. Альтернативы научным институтам, решающим практические задачи, возможны и в рыночной среде, как это происходит в США и других странах. Иными словами, успешная наука может делаться как в научно-исследовательских институтах, так и в других структурах, как в Академии, так и вне её. При этом важно избегать ситуации, в которой реформирование такой хрупкой сферы, как наука, будет вновь доверено лицам, желающим «разрушить до основания с тем, чтобы строить наш новый мир». Российская наука не в том состоянии, чтобы пережить ещё один период так называемого «креативного разрушения».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Ferguson N.* Civilization: The West and the rest. London : Penguin Books, 2018. xxx, 402 p. ISBN 9780141987934.
2. *Smelser N. J., Lipset S. M.* Social structure, mobility and development // Social structure and mobility in economic development. Chicago : Aldine Publishing Co., 1966. P. 1–50.
3. *Inkeles A.* Social stratification and mobility in the Soviet Union // Class, status, and power: Social stratification in comparative perspective / ed. by R. Bendix, S. M. Lipset. New York : The Free Press ; London : Collier Macmillan Publishers, 1966. P. 516–526.
4. *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. М. : Новое литературное обозрение, 1998. 358 с. ISBN 5-86793-052-1.
5. *Кун Т.* Структура научных революций / пер. с англ. М. : АСТ, 2003. 605, [3] с. ISBN 5-17-010707-2. EDN QWFEIT.
6. *Stinchcombe A. L.* Stratification and organization : Selected papers. Cambridge : Cambridge University Press, 1986. viii, 381 p. DOI 10.1017/CBO9780511570759.
7. *Латур Б.* Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. № 5–6 (35). С. 1–32.
8. *Turner J. H.* The institutional order: Economy, kinship, religion, polity, law, and education in evolutionary and comparative perspective. New York : Longman, 1997. xiii, 306 p. ISBN 9780673981257.
9. *North D. C.* Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge : Cambridge University Press, 1990. viii, 152 p. DOI 10.1017/CBO9780511808678.
10. *Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М : АСТ, 2015. 692, [1]с. ISBN 978-5-17-092736-4.
11. *Fukuyama F.* Political order and political decay: From the industrial revolution to the globalization of democracy. London : Profile Books, 2015. viii, 664 p. ISBN 9781846684371.
12. *Hamilton W. H.* The institutional approach to economic theory // The American Economic Review. 1919. Vol. 9, № 1 (Supplement). P. 309–318.
13. *Кивинен М.* Прогресс и хаос: социологический анализ прошлого и будущего России / пер. с англ.: М. Ф. Черныш. СПб. : Академический проект, 2001. 272 с. ISBN 5-7331-0246-2.

REFERENCES

1. Ferguson N. *Civilization: The West and the rest*. London : Penguin Books; 2018. xxx, 402 p. ISBN 9780141987934.
2. Smelser N. J., Lipset S. M. Social structure, mobility and development. In: *Social structure and mobility in economic development*. Chicago : Aldine Publishing Co.; 1966. P. 1–50.
3. Inkeles A. Social stratification and mobility in the Soviet Union. In: Bendix R., Lipset S. M., eds. *Class, status, and power: Social stratification in comparative perspective*. New York : The Free Press ; London : Collier Macmillan Publishers; 1966. P. 516–526.
4. Vail P., Genis A. The 60s. The world of the Soviet man [60-e. Mir sovetskogo cheloveka]. Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie; 1998. 358 p. (In Russ.). ISBN 5-86793-052-1.
5. Kuhn T. S. The structure of scientific revolutions. Transl. from English. Moscow : AST; 2003. 605, [3] p. (In Russ.). ISBN 5-17-010707-2.
6. Stinchcombe A. L. *Stratification and organization : Selected papers*. Cambridge : Cambridge University Press; 1986. viii, 381 p. DOI 10.1017/CBO9780511570759.
7. Latour B. Give me a laboratory and I will move the world. *Logos*. 2002;(5–6):1–32. (In Russ.).
8. Turner J. H. *The institutional order: Economy, kinship, religion, polity, law, and education in evolutionary and comparative perspective*. New York : Longman; 1997. xiii, 306 p. ISBN 9780673981257.
9. North D. C. *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge : Cambridge University Press; 1990. viii, 152 p. DOI 10.1017/CBO9780511808678.
10. Acemoglu D., Robinson J. A. *Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty*. Transl. from English. Moscow : AST; 2015. 692, [1] p. (In Russ.). ISBN 978-5-17-092736-4.
11. Fukuyama F. *Political order and political decay: From the industrial revolution to the globalization of democracy*. London : Profile Books; 2015. viii, 664 p. ISBN 9781846684371.
12. Hamilton W. H. The institutional approach to economic theory. *The American Economic Review*. 1919;9(1):309–318.
13. Kivinen M. Progress and chaos: Russia as a challenge for the sociological imagination. Transl. from English by M. F. Chernysh. St. Petersburg : Akademicheskii proekt; 2001. 272 p. (In Russ.). ISBN 5-7331-0246-2.

Поступила в редакцию / Received 04.02.2025.
Одобрена после рецензирования / Revised 17.02.2025.
Принята к публикации / Accepted 20.02.2025.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Черныш Михаил Федорович *chernysh@fnisc.ru*

Член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, директор,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия
SPIN-код: 7057-8292

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail F. Chernysh *chernysh@fnisc.ru*

Corresponding member of the RAS, Doctor of Sociology, Director,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-8169-0933
Scopus Author ID: 55954329200
Web of Science ResearcherID: B-5133-2016